

Слуга всех господ

a servant of all
masters

В июле 1815 года Франция пережила очередной драматический виток своей истории. Сто дней последнего полета Орла бесславно закончились.

Бонапарт отбыл к месту своего последнего изгнания на остров Святой Елены, Людовик XVIII с триумфом возвратился в Париж. Уже 6 июля сановники и вельможи поспешили засвидетельствовать свое почтение реставрированной монархии.

In July 1815 France underwent one more in a series of dramatic turns in its history. The Hundred Days of the great Eagle's last flight had ended ignominiously. Bonaparte was on his way to his last exile on the island of St Helena; Louis XVIII had returned in triumph to Paris. As early as 6 July the high officials and grandees hastened to bear their respects to the reinstated monarch.

Роялисты с нетерпением ждали Реставрации Бурбонов. Их час пробил, когда Людовик XVIII, «Людовик Желанный», вернулся в Париж. «Возвращение короля». Гравюра Аликса по рисунку Пьера Мартине.

Royalists had longed for the day when the Bourbons would be restored to the throne. Their hour came when "Louis le Désiré" returned to Paris. *The Return of the King.* Engraving by Alix from a drawing by Pierre Martinet.

Дмитрий КОПЕЛЕВ / by Dmitry KOPELEV

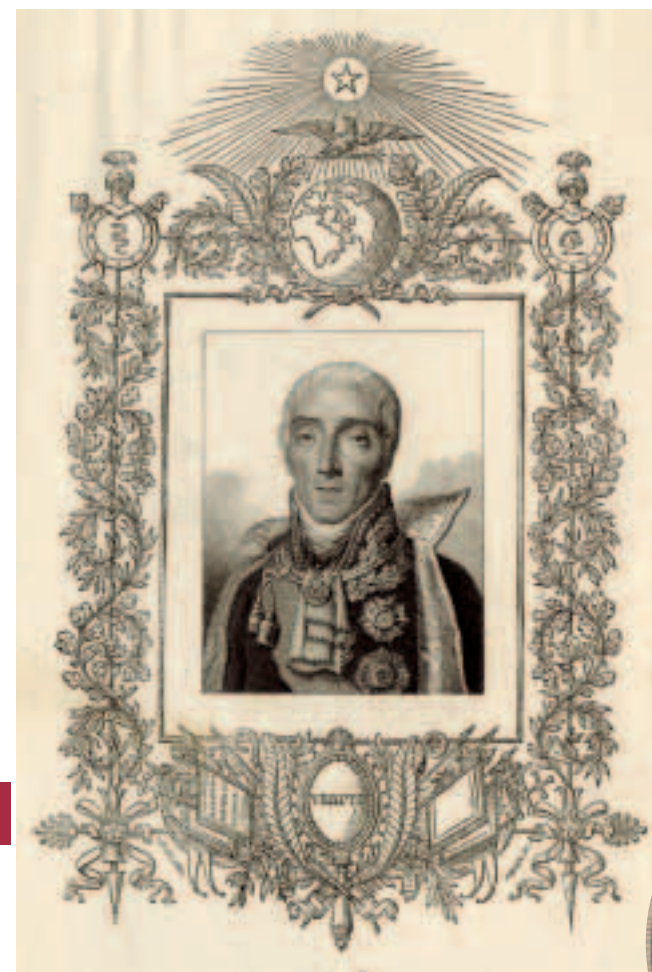

Аудиенция происходила в аббатстве Сен-Дени, под вековыми сводами которого французские короли венчались на царство. В числе прочих влиятельных особ в королевские покои проследовала странная пара. Министра иностранных дел Шарля Мориса де Талейрана заботливо вел под руку министр полиции Жозеф Фуше. Эти два человека ненавидели друг

друга, но пока предпочитали держаться вместе. Обоих мучил вопрос: как-то король распорядится их дальнейшей судьбой? Их связывало кровавое прошлое — первый санкционировал убийство герцога Энгиенского, второй, будучи депутатом Конвента, голосовал за казнь Людовика XVI, а полгода спустя жестоко подавлял лионский мятеж. «Порок об руку с преступле-

«Какому революционеру не внушит доверия такой порядок вещей, при котором Фуше будет министром полиции? Какой дворянин не будет надеяться преуспеть в жизни при бывшем епископе Отенском? Один охраняет меня слева, а другой справа», — писал Наполеон в 1800 году.

“What revolutionary will not feel confidence in an arrangement where Fouché will be minister of police? What aristocrat will not hope to prosper under the former Bishop of Autun? The one protects me from the left, the other from the right,” Napoleon wrote in 1800.

Жозеф Фуше, герцог Отрантский. Гравюра на стали Поре по рисунку Анри Дезире. 1830-е годы.

Joseph Fouché, Duke of Otranto. Steel engraving by Porret from a drawing by Henri Désiré. 1830s.

Дипломат и государственный деятель Шарль Морис Талейран-Перигор происходил из аристократической семьи. Он получил духовное образование, с 1788 года стал епископом Отенским. В 1791 году был отлучен римским папой от церкви. «Талейран — это Фуше знати, а Фуше — это Талейран каналий», — зло съязвил обманутый обоими Поль Баррас. С портрета работы Шарля Туссе Лабади. 1789 год.

The diplomat and statesman Charles Maurice Talleyrand-Périgord was born into an aristocratic family. He received a clerical education and in 1788 became bishop of Autun in Burgundy. In 1791 the Pope excommunicated him. “Talleyrand is the Fouché of the nobility, and Fouché is the Talleyrand of the rabble,” Paul Barras, who was deceived by both, waspishly paired the two. From a portrait by Charles Toussaint Labadye. 1789.

“Vice arm in arm with crime,” Chateaubriand wrote of this scene in his *Mémoires d'outretombe*. Napoleon too called Fouché the embodiment of a perfect traitor.

A PUPIL OF THE ORATORIAN

Fouché was born in 1759, in a suburb of the port city of Nantes, and dreamt of following in the footsteps of his father, a merchant captain. But poor health put an end to the prospect of a career at sea, and the puny lad's parents sent him to be schooled by the Oratorians, the oldest of the Catholic congregations of secular priests. Fouché proved an exemplary pupil. There, in the monastic cells and corridors, he learnt to wear his face like a mask and conceal his

нием», — напишет об этой сцене Шатобриан в «Замогильных записках». Воплощением совершенного предателя назовет Фуше и сам Наполеон.

Каким же в действительности был этот непроницаемый человек с ледяными глазами, который предавал всех и вся? Летели годы, сменялись правительства — жирондисты, Робеспьер, Директория, Наполеон, Реставрация. Фуше пересидел всех и сохранял посты при всех режимах. Он шел по трупам бывших покровителей и вытаскивал из грязи нужных ему людей, был способен рискованно играть на авансцене, но, едва почуяв опасность, немедленно уходил за кулисы. Так же растворились в небытии и отдельные эпизоды его жизни — недаром его порой называют человеком без биографии. О ранних и последних годах этого невзрачного на первый взгляд человека известно немного, в промежутке — сплетение событий, лиц, причастность к судьбам и тайнам сильного мира сего. Как и многих в ту эпоху, волна революции бросила его в гущу истории, а потом, отхлынув, вновь увлекла за собой в безвестность.

ВОСПИТАННИК ОРАТОРИАНЦЕВ

Фуше родился в 1759 году в пригороде приморского Нанта и мечтал пойти по стопам отца — капитана торгового флота. Однако слабое здоровье поставило крест на морской карьере, и родители отдали

67

true intentions. For many years he lived an unremarkable life, working as a modest teacher of mathematics and physics at Saumur, Vendôme, Arras and elsewhere. In Arras he became a close acquaintance of a lawyer just starting out by the name of Maximilien Robespierre. Who would have thought that in just a few years time the pair would have graduated from naïve arguments on human rights to death sentences? But, as Fouché was fond of repeating, times change and people change with them.

The revolution began. The inhuman, ambitious Robespierre took charge of revolutionary terror and the taciturn Fouché sat on a deputies' bench in the Convention and turned into an “apostle” of universal atheism. The tonsure on his head grew out and the recent Oratorian rose to become one of the most active exponents of terror and embarked on a merciless persecution of the Church.

In the autumn of 1793 Fouché went off to carry the ideals of the revolution to the quiet Burgundian region of Nièvre. “We scorn the relics of fanaticism and pride and we trample on crosses and all the toys of the priests,” the abortive priest declared. “The

тщедушного мальчика в школу к ораторианцам, старейшей из католических конгрегаций священников. Фуше оказался примерным учеником. Там, в монашеских кельях и коридорах, он научился носить маску и скрывать свои подлинные намерения. Долгие годы он жил незаметной жизнью и служил скромным учителем математики и физики в Сомюре, Вандоме, Аррасе. В Аррасе он свел близкое знакомство с начинающим адвокатом Максимилианом Робеспьером. Кто бы мог подумать, что пройдет несколько лет — и от наивных споров о правах человека оба перейдут к смертным приговорам? Но, как любил повторять Фуше, времена меняются, и люди меняются вместе с ними.

hypocrites have done enough gathering by the holy water stoups and reciting of masses.” Across the region churches were closed and a hunt was launched for priests, who were forbidden to appear on the streets in clerical dress. After filling strings of carts with confiscated table silver, jewellery, boxes of gold and church plate, the persecutor of Nièvre departed for Paris with a sense of having performed his duty.

Fouché's efforts contributed significantly to the coffers of the revolution and in reward for his zeal, he was immediately given a new assignment — rebellious Lyons. For several months its citizens had resisted the attacks of revolutionary forces, but in October 1793 France's second city fell. The Convention gave Lyons a new name — the *Ville-Affranchie*, Liberated City — and decided to make it an example for the whole of France of how the revolution dealt with recalcitrants. “Lyons waged war against freedom; Lyons is no more!” This responsible mission was entrusted to Fouché, who set about his task with zeal, promising to pour rivers of blood in the city. Its inhabitants were paralyzed in anxious anticipation.

Нант — старинный город в Бретани, находящийся там, где леса подступают к самому океану. На протяжении многих веков он был главным морским портом на западе Франции. С гравюры неизвестного художника.

Nantes, an ancient city in Brittany, was located where the forests reached right to the Atlantic Ocean. For many centuries this was the main port in the west of France. From an engraving by an unknown artist.

66

Началась революция. Нелюдимый честолюбец Робеспьер возглавил революционный террор, а молчун Фуше воссел на скамью депутатов Конвента и превратился в «апостола» всемирного атеизма. Тонзура на голове заросла, и недавний ораторианец выдвинулся на первые роли среди вершителей террора и вступил на путь беспощадного преследования церкви.

Осенью 1793 года Фуше отправился нести идеалы революции в тихий бургундский Невер. «Мы презираем реликвию

фанатизма и гордости и попираем ногами кресты и все игрушки попов, — ораторствовал несостоявшийся священник. — Хватит ханжам собираться у чаш со святой водой и служить обедни». По всей округе закрывались церкви, развернулась охота за священниками, которым запрещалось появляться на улице в облачении. Набив вереницы повозок конфискованным столовым серебром, драгоценностями, ящиками с золотом и церковной утварью, неверский гонитель,

Во Франции развернулась антицерковная пропаганда. Фуше противопоставил католицизму «культ Республики», атеизм и «природную этику». «Антиклерикальный маскарад». С акварели Этьена Берика. Ноябрь 1793 года.

Поздней осенью 1793 года Лион погрузился в пучину революционного террора. «На улице Лиона. 14 декабря 1793 года». Гравюра Иоганна Карла Шлейха по рисунку Жака Франсуа Жозефа Свобаха-Дефонтена. In late autumn 1793 Lyons plunged into an abyss of revolutionary terror. On a Street in Lyons. 14 December 1793. Engraving by Johann Carl Schleich from a drawing by Jacques François Joseph Swebach-Desfontaines.

«Резня в Лионе». Иллюстрация из издания «Революция 1789—1882» под редакцией Шарля Д'Эрико. 1883 год. The Massacre in Lyons. Illustration from the 1883 publication La France Révolutionnaire 1789—1882, edited by Charles d'Hericault.

THE BUTCHER OF LYONS

The former trainee priest entered the city as befitted a commissar of the Convention — with a tricolour sash about his waist. A terrible time began. Day and night workers demolished the walls of houses, sweeping whole blocks from the face of the Earth. Soon the whole of Lyons was in flames. Denunciations followed one upon another; the sentences of the revolutionary tribunal were passed without delay. At night, by the light of lanterns, the condemned were brought to the guillotine. The victims were so numerous that there was no time to strew sand on the ground around the scaffold and the whole area turned into a quagmire through which homeless dogs wandered licking at the bloody sludge. At that point the deadly machine was dismantled and moved to one of the Rhone bridges, where the blood of those executed flowed straight into the river, to be joined by their heads tossed over the parapet.

But Fouché was not satisfied. He was a man in a hurry and the guillotine was too slow. He demanded a better method of execution and

A propaganda campaign against the Church was unleashed in France. Fouché countered Catholicism with the “cult of the Republic”, atheism and “natural ethics”. Above. An Anticlerical Masquerade. From a water-colour by Etienne Bericourt. November 1793.

Слева. «Национализация церковного имущества». Сатирический рисунок, иллюстрирующий непомерное богатство церкви, которая владела в дореволюционной Франции одной пятой всех земель. Цветной офорт с картины Кантен де Латура.

Left. The Nationalization of Church Property. A satirical drawing showing the excessive wealth of the Church that owned a fifth of all land in pre-revolutionary France. Colour etching from a painting by Quentin de La Tour.

gave orders for the use of mitrallades — the condemned prisoners were taken out to a flat field and dispatched with grape-shot from cannon. The nickname “mitrailleur de Lyon” attached itself to Fouché for the rest of his life, and for many years beyond.

Alarming news suddenly arrived from Paris. One after another, the recent apostles

О происходящем в Лионе сам Фуше писал: «Гильотина была единственным орудием правительства. Подозрительность и недоверчивость терзали сердце каждого; ужас господствовал над всеми».

Fouché himself wrote of what took place in Lyons: “The guillotine was the only instrument of government. Suspicion and mistrust tore at every heart; terror ruled over all.”

of liberty were losing their lives to insatiable Jacobin terror: Georges Danton, Camille Desmoulins, Jacques Hébert, Jacques Roux. The moloch of revolution demanded new victims. Intoxicated with power, Robespierre launched yet another campaign of proscription — the enemies were to be sought among the most zealous adepts of

с сознанием выполненного долга, отбыл в Париж.

Стараниями Фуше кладовые революции ощутило пополнились, и в награду за усердие он незамедлительно получил новое назначение — в мятежный Лион. Несколько месяцев жители города сдерживали атаки революционных войск, но в октябре 1793 года вторая столица Франции пала. Конвент дал Лиону новое название — «Освобожденный город» — и на его примере решил показать всей Франции, как революция карает непокорных: «Лион боролся против свободы — Лиона больше нет». Эта ответственная миссия и была поручена Фуше, который рьяно взялся за дело, пообещав пролить в городе реки крови. Лионцы замерли в тревожном ожидании.

ЛИОНСКИЙ ПАЛАЧ

В город бывший священник въехал, как подобало комиссару Конвента — перепоясанный трехцветным шарфом, в красной шляпе с перьями, — и тотчас приказал возвести на центральной площади священный алтарь мучеников свободы. Скоро здесь должен был запылать огромный костер. С алтаря собора сбросили изображение Спасителя, а на его место водрузили бюст погибшего во время мятежа революционного мученика Жозефа Шалье. В разгар торжеств появился осел, за которым по грязи волочило привязанное к его хвосту Евангелие. Священное Писание, трепник и иконы швырнули в костер, а осла напоили из священной чаши для причастия.

Для города настали страшные дни. Днем и ночью рабочие рушили стены домов, сносили с лица земли целые кварталы. Вскоре весь Лион запылал, охваченный пламенем. Доносы следовали один за другим, приговоры революционного суда выносились без промедления. Ночью, при свете фонарей, осужденных везли на гильотину. Жертв было так много, что землю вокруг эшафота не успевали посыпать песком — все вокруг превратилось в месиво, по которому бродили бездомные собаки, вылизывавшие кровавую жижу. Тогда смертоносную машину разобрали и перенесли на мост Моран — теперь кровь казненных лилась в Рону, туда же бросали через перила отрубленные головы. Но Фуше был недоволен, торопил: гильотина работала слишком медленно. Он требовал усовершенствовать механизм казней и приказал использовать «огонь молний» — приговоренных выводили на равнину и расстреливали картечью. Прозвище «Палач Лиона» останется с Фуше до конца дней и надолго его переживет.

Внезапно из Парижа пришли тревожные вести. В пучине якобинского террора один за другим сложили головы недавние апостолы свободы: Жорж Дантон, Камилл Демулен, Жак Эбер, Жак Ру. Упиваясь властью, Робеспьер открыл очередную проскрипционную кампанию — врагов следовало искать среди наиболее яростных адептов террора. В каждом

человеке ему чудился враг, и даже его давний приятель Фуше значился в списке потенциальных жертв одним из первых. Всесильный хозяин Конвента вызвал его в Париж с отчетом о происходящем в Лионе.

«Контрреволюционеры могут рядиться в шкуру патриотов, — вещал Неподкупный. — Остерегайтесь лицемеров и интриганов, сбросивших истлевшие ряссы

Фуше стал символом революционного террора — подобно Каррье, Тальену, Баррасу и Фрерону, проливавшим потоки крови в Марселе, Нанте и Тулоне.

Fouché became a symbol of revolutionary terror, along with Carrier, Tallien, Barras and Fréron, who shed rivers of blood in Marseilles, Nantes and Toulon.

«Террор в Arras и Камбре». Аллегорическое изображение апологета революционного террора Жозефа Лебона, пьющего из кубка крови казненных. Гравюра с рисунка Пурье.

The Terror in Arras and Cambrai. An allegorical depiction of the exponent of revolutionary terror Joseph Lebon drinking the blood of the executed. Engraving from a drawing by Poirier.

Своим бескорыстием Робеспьер заслужил прозвище «Неподкупный». Он считал всякое инакомыслие предательством интересов народа. Посмертной наградой ему стала кощунственная эпитафия: «Прохожий, слез не лей ты над моей судьбой, ведь ты лежал бы здесь, когда б я был живой». Гравюра с оригинала Берто.

Справа. «Заседание клуба якобинцев». Работа неизвестного художника. Около 1792 года.

Robespierre's unbribability earned him the nickname "Incorruptible". He considered any opinion that differed from his own as a betrayal of the interests of the people. His posthumous reward was a derisive epitaph: "As you pass, forbear to mourn my lot. /You would have died, if I had not." Engraving from an original by Bertaux.

Right. A Meeting of the Jacobin Club. By an unknown artist. Circa 1792.

и стремящихся посеять ненависть к вам. Атеизм — это привилегия аристократов». Удары Робеспьера разили насмерть, Фуше уже был помечен для гильотины, до расправы этому ходячему мертвецу оставались считанные дни. Молох революции требовал новых жертв, и Неподкупный продолжал клеймить позором «ненасытных честолюбцев, жаждущих все большей власти!»

Один из депутатов не выдержал: — Тут явно намекают, что я преступник. Представьте доказательства! — Я не называл имен. Но придет время — назову!

От этой анонимной угрозы члены Конвента оцепенели. Их словно парализовал близорукий взгляд неумолимого человека в парике и фиолетовом фраке. Для любого из них все могло завершиться уже

terror. He thought everyone was an enemy and even his long-time friend Fouché was among the first on the list of potential victims. The all-powerful master of the Con-

vention summoned him back to Paris to report on events in Lyons.

"Counter-revolutionaries can put on the hide of patriots," the Incorruptible one

Революционные дни 31 мая — 2 июня 1793 года: Конвент находился под постоянным давлением вооруженных санкюлотов. Под бой барабанов граждане спешили к местам сбора, а оттуда строем двигались в центр города. Они были готовы сокрушить любую власть, которая их не устраивала. «2 июня 1793 года». Гравюра с оригинала Никола Франсуа Октава Тассера.

The revolutionary days of 31 May — 2 June 1793: the Convention was under constant pressure from the armed sans-culottes. At the sound of drums citizens rushed to mustering points and then moved as one to the centre of the city. They were prepared to sweep away any authority that did not suit them. 2 June 1793. Engraving from an original by Nicolas François Tassaert.

proclaimed. "Beware of hypocrites and intriguers who have shaken off their rotten cassocks and are striving to sow hatred of you. Atheism is the privilege of aristocrats." Robespierre's blows were always fatal: Fouché was marked for the guillotine, a walking corpse with just days left to live.

A MASTER CONSPIRATOR

Robespierre underestimated the meek schoolteacher. When he felt Death breathing down his neck, Fouché did not lose heart, but rather gathered his strength and resolved to fight to the last. He gave Robespierre's watchdogs the slip and, changing his hiding place every day, forged a conspiracy. A superb psychologist, he had the full "lowdown" on everyone he contacted and knew how to choose the right approach: "We extol civic virtues and our life or death is being determined by insatiable scoundrels! Do you know, citizen, whose turn it is now? Barras? Fréron? Tallien? You are in the next group!"

Бывшие соратники Робеспьера Камилл Демулен (слева) и «Спаситель Отечества» Жорж Жак Дантон выступили против крайностей якобинского террора и сложили головы на гильотине. Работы неизвестных художников.

Robespierre's former comrades Camille Desmoulins (left) and the "Saviour of the Fatherland" Georges Jacques Danton spoke out against the extremes of Jacobin terror and lost their heads to the guillotine. Works by unknown artists.

Приговоренный 5 апреля 1794 года к смертной казни, Дантон поднялся на эшафот и сказал палачу: «Покажи мою голову народу — она того стоит».

Condemned to death, Danton went to the scaffold on 5 April 1794. "Show my head to the people," he told the executioner. "It is worth the trouble."

The all-embracing fear cemented a conspiracy whose time had come. At the very height of events Fouché's little daughter fell seriously ill. She died in her mother's

сегодня: шаги ночного патруля, стук в дверь, камера в Консьержери, судебный процесс, завершившийся до полудня, и в четыре часа дня гильотина. Теперь депутаты аплодировали диктатору с одной мыслью — как избавиться от тирана. Настал час Фуше.

Гений конспирации

Робеспьер недооценил этого тихоню — школьного учителя. Ощувив дыхание смерти, Фуше не пал духом, а преисполнился сил и решил биться до конца. Он уходит из-под наблюдения ищек Робеспьера и, ежедневно сменяя конспиративные убежища, плетет паутину заговора. Отличный психолог, он доподлинно знал подноготную каждого из собеседников, умел подобрать нужные слова: «Мы превозносим гражданские добродетели, а нашей жизнью и смертью распоряжаются ненастыжные мерзавцы! Знаешь ли ты, гражданин, чья очередь теперь? Барраса? Фрерона? Тальена? Ты — в следующей партии!»

Всеобщий страх цементировал назревавший заговор. В самый разгар событий тяжело заболела маленькая дочь Фуше. Она умирала на руках у матери, а преследуемый заговорщик не мог провести рядом с ней последние часы. Страдания ожесточают и придают сил. Девочка скончалась 6 термидора — 9 термидора голова Робеспьера скатилась с эшафота.

Падение Робеспьера знаменовало начало Белого террора. Формировались банды головорезов из молодых аристократов, взявших в руки дубины. Они открыли настоящую охоту на бывших вожаков революции, попутно сбрасывая их бюсты и громя их типографии. Фуше немедленно отошел в тень. С женой и двумя все

Во время переворота Робеспьер был тяжело ранен выстрелом в челюсть. Хирург кое-как перевязал его, и поверженного диктатора перенесли в Конвент, где положили на стол. Корчась в конвульсиях, он временами поднимал голову и всматривался в торжествую-

время болевшими детьми он поселился в жалкой мансарде и вынужденно перешел на полуподпольное положение — его разыскивали мстители из Лиона. Никому не нужный, забытый прежними друзья-

щие лица проклинавших его людей — тех, кто раньше раболепно ловил каждое произнесенное им слово.

Когда Неподкупного наконец внесли на эшафот, толпа замерла. Одна из женщин, сыновья которой были казнены в дни террора, увидав, как покати-лась голова диктатора, громко воскликнула: «Бис!»

С картины М. Меленга.

During the coup against him, Robespierre was badly wounded in the jaw by a pistol shot. A surgeon bandaged him up and the deposed dictator was carried to the Convention and laid on a table there. Writhing in convulsions, from time to time he raised his head and looked into the gloating faces of those who cursed him — the same people who had previously hung slavishly on his every word.

When “the Incorruptible” was at last brought to the scaffold, the crowd stood stock-still. One woman whose sons had been executed during the terror saw the dictator’s head roll and shouted out loudly, “Encore!” From a picture by M. Mélingue.

arms and the hunted conspirator could not be beside her at the end. Sufferings make people bitter and give them strength. The girl died on the 3rd Thermidor; on the 9th Robespierre’s head rolled on the scaffold.

The fall of Robespierre marked the beginning of reactionary White Terror. Young aristocrats formed gangs and armed themselves with cudgels. They embarked on an out-and-out hunt for the former leaders of the revolution, throwing down their busts and smashing their print shops in the process. Fouché immediately disappeared into the shadows. With his wife and two children who were constantly sick, he took up residence in a miserable attic and was forced to lead a semi-underground existence for fear of avengers from Lyons. Totally unwanted and forgotten by former friends, he got by thanks to various dubious ventures and casual earnings. He was plucked from poverty by the pushily ambitious Paul de Barras, whom the coup of 9 Thermidor had lifted to the crest of the political wave. An unprincipled operator, this former viscount, regicide and recent Montagnard, Barras, like Fouché, nearly

ми, он перебивался разными темными делами и случайными заработками. Из нищеты его извлек пронырливый честолюбец Поль де Баррас, вынесенный переворотом 9 термидора на самый гребень большой политики. Беспринципный делец, бывший виконт, царевый и недавний монтаньяр, Баррас, подобно Фуше, чуть было не оказался на гильотине за террор в Тулоне. Он жил сегодняшним днем, обожал деньги, кутежи, роскошь, женщин. Такому бонвивану требовались надежные люди с замаранным, как и у него самого, прошлым. Можно ли было подобрать кандидатуру более подходящую, чем Фуше, без гроша в кармане, способного бесшумно проникнуть в любую щель?

Полученный политический опыт научил Фуше главному — политику нельзя делать на улице: скопление народа и огласка могут лишь навредить делу. Оказав Баррасу немало ценных услуг, Фуше получил портфель министра полиции. Его кредо — келейность: неторопливая беседа на аллее парка или в светском салоне превращала завязотого фрондера в негласного союзника, а болтуна и демагога заставляла придерживаться язык. Необходимо только досконально владеть явной и тайной информацией, правильно расставлять акценты, играть на тайных слабостях собеседника и умело загонять его в тупик. Он вел двойную и тройную игру, водил всех за нос, оплачивал услуги десятков осведомителей

и секретных агентов. И в нужное время и в нужном месте наносил главный удар.

Всесильный министр

В 1799 году разнеслись слухи о возможном перевороте левых. Якобинцы, не желавшие окончательно покинуть политическую арену, называли себя клубом «Манеж» и собирались в доме на улице Дюбак и горели решимостью возродить времена террора. «Я должен бороться с анархией», — во всеуслышание заявил старый террорист Фуше и явился на собрание своих бывших соратников. Они встретили его враждебным молчанием. Когда, собравшись с мыслями, депутат Брио приготовился объявить министра полиции «вне закона», с улицы послышался конский топот, лязгнули шпоры. Депутаты сразу присмирели. Фуше поднялся на трибуну и,

«Король Директории» Поль де Баррас. Октябрь 1795 года. С портрета работы неизвестного художника. The “King of the Directory” Paul de Barras. October 1795. From a portrait by an unknown artist.

Мюскадены — золотая молодежь термидорианской эпохи. Они выходили на улицу с тросточками, носили тесные фракы, обтягивающие штаны, серьги в ушах и широкие галстуки, закрывавшие лицо до носа. Пользовались терпкими духами с ароматом мускуса, взбивали на голове высокий кок или заплетали волосы в длинные косички.

The muscadins were the idle youth of the Thermidorian era. They went out on the street carrying canes and wearing close-fitting frock-coats and tight trousers, earrings and cravats that covered their faces up to the nose. They used pungent musky scent and arranged their hair either in a tall quiff on the top of their heads or in long plaits.

ended up on the guillotine for the terror in Toulon. He lived for the moment, loved money, carousing, luxury and women. A bon-vivant like him needed reliable people with a tarnished past like his own. Could there have been a more suitable candidate than Fouché, a man without a sou to his name, but capable of penetrating into any crevice?

Fouché’s political experience had taught him one main thing: politics ought not to be made on the streets: gatherings of people and publicity could only harm a cause. After performing a number of valuable services for Barras, Fouché was rewarded with the portfolio of minister of police.

THE ALL-POWERFUL MINISTER

In 1799 rumours abounded of a possible left-wing coup. The Jacobins unwilling to leave the political arena permanently called themselves the Club du Manège. They met at a house on the Rue du Bac and burned with desire to revive the times of the Terror. “I must fight against anarchy,” the former terrorist Fouché declared publicly and turned up to a meeting of his former comrades. They met him with hostile silence.

When, having gathered his wits, one deputy was about to declare the Minister of Police an “outlaw”, the clomp of horses’ hooves and jangle of spurs came from the street. The deputies immediately fell quiet. Fouché climbed onto the platform and, sweeping the room with an icy stare, announced: “The meeting is over. Kindly disperse.” The con-

«В столичном кафе». Раскрашенная гравюра неизвестного художника. 1797 год.

In a Café in the Capital. Tinted engraving by an unknown artist. 1797.

«Казнь Робеспьера и его соратников». Гравюра неизвестного художника.

The Execution of Robespierre and His Comrades. Engraving by an unknown artist.

обведя зал ледяным взглядом, процедил: «Собрание распущено. Попрошу всех разойтись». В растерянности члены клуба потянулись к выходу, а Фуше неторопливо запер за ними двери и унес ключи.

Спустя несколько дней он пригласил на беседу военного министра Бернадота, будущего шведского короля, а в ту пору яркого якобинца и члена клуба «Манеж».

— Глупец, куда тебя занесло? Ради чего? На дворе не 1793-й! Тогда мы разрушали и строили заново, иначе было не выиграть. Но теперь-то все наше. Зачем же опять все рушить?

Но Бернадот с гасконским упрямством стоял на своем.

— Дело твое, — закончил разговор Фуше. — Завтра я, может статься, примусь за твой клуб, и если председателем окажешься ты, твоя голова полетит первой. Даю слово, а я слово держу.

Фуше был прав: в 1799 году мысли политиков были заняты отнюдь не возвращением террора. Все последние месяцы они упорно искали послушную «шпагу», генерала, готового свергнуть Директорию. Свою игру вел и Баррас, который решил использовать «маленького олуха», как он называл обязанного ему карьерой генерала Бонапарта, и с его помощью вернуть престол Бурбонам. Между тем дезертировавший из Египта Бонапарт явился в Париж и с головой ринулся в водовороты интриг. Заговорщики встретились с ним

и дали понять, что Баррас дискредитировал себя — «король Директории» должен исчезнуть из Истории. Но как быть с его присными, и в первую очередь с Фуше, всезнающим министром полиции?

Фуше, разумеется, был прекрасно осведомлен обо всех шагах заговорщиков. Он давно понял, что его покровитель Баррас отыграл свое. Теперь опытный игрок должен ставить на Бонапарта! Фуше поехал в особняк генерала на улице Шантрэн и приказал доложить о себе. Прошел час, а всеильный Фуше все еще томился в приемной и ждал аудиенции. Случайно его увидел один из заговорщиков, бывший якобинец Реаль. В ужасе он бросился к Бонапарту:

— Вы с ума сошли, генерал!

— В чем дело, Реаль?

— Вы знаете, кто в приемной?

— По-моему, Фуше.

— И давно он ждет?

— С час.

— Вы с ума сошли! Да ему достаточно шевельнуть мизинцем — и все наши планы рухнут. Немедленно примите его.

Никто не знает, о чем Фуше и Бонапарт проговорили около двух часов, но с этого дня заговорщикам никто не мешал готовить переворот. Однако поручиться за то, что министр полиции ведет честную игру, не взялся бы никто. За несколько дней до назначенной даты переворота он вдруг вздумал устроить званый вечер. Когда

Маршал Жан Батист Бернадот. Портрет работы Ж.-Ж. де Лоза. 1805 год. Мог ли этот якобинец представить, что пройдет несколько лет и он займет шведский престол под именем Карл XIV Юхан? После его смерти в 1844 году при бальзамировании на его теле обнаружили татуировку времен революционной молодости, гласившую: «Смерть королям!»

Marshal Jean-Baptiste Bernadotte. Portrait by Johann Jacob de Lose. 1805.

Could this Jacobin have imagined that in a few years' time he would succeed to the Swedish throne under the name Charles XIV John? After his death in 1844, when his body was being embalmed it was found to carry a tattoo from the time of his revolutionary youth proclaiming: "Death to kings!"

«Государственный переворот в Сен-Клу 18 брюмера (9 ноября 1799 года)». Раскрашенная гравюра неизвестного художника. Разъяренные левые депутаты Совета пятисот под крики «Вне закона!» выставили Бонапарта из зала заседаний. Но вмешалась армия — и депутаты были разогнаны.

The Coup d'Etat at Saint-Cloud on 18 Brumaire (9 November 1799). Tinted engraving by an unknown artist. Furious members of the Council of Five Hundred drove Bonaparte from the hall with cries of "Outlaw!" But the army intervened and the deputies were dispersed.

гостей пригласили к столу, они с удивлением увидели, что в сборе все главные действующие лица предстоящего переворота. Казалось, вот-вот откроется дверь и нагрянет полиция. И дверь открылась, впусив последнего гостя — директора Гюйе, против которого и был направлен заговор. На глазах изумленных гостей между ним и Фуше состоялся странный диалог:

— Что нового, гражданин министр?

— Да ничего, так... болтают.

— О чем же?

— Да все о заговоре! Но я в этом дока,

гражданин директор, я знаю цену всем этим рассказам. Можете на меня положиться. Будь это правдой, мы бы уже имели тому доказательства на площади Революции или на Гренельской равнине.

Намек на гильотину был призван показать, кто ведет партию. Вскоре Директория была ликвидирована, а на следующий день войска во главе с Бонапартом и другие заговорщики отправились во дворец Сен-Клу, где заседали депутаты обоих законодательных собраний — Совета старейшин и Совета пятисот.

Якобинцы были одной из самых радикальных политических партий. Своё название они получили потому, что сначала проводили свои заседания на улице Святого Якова, в монастыре ордена доминиканцев. Летом 1799 года якобинцы призывали возродить «эпоху пик» и вернуться к террору.

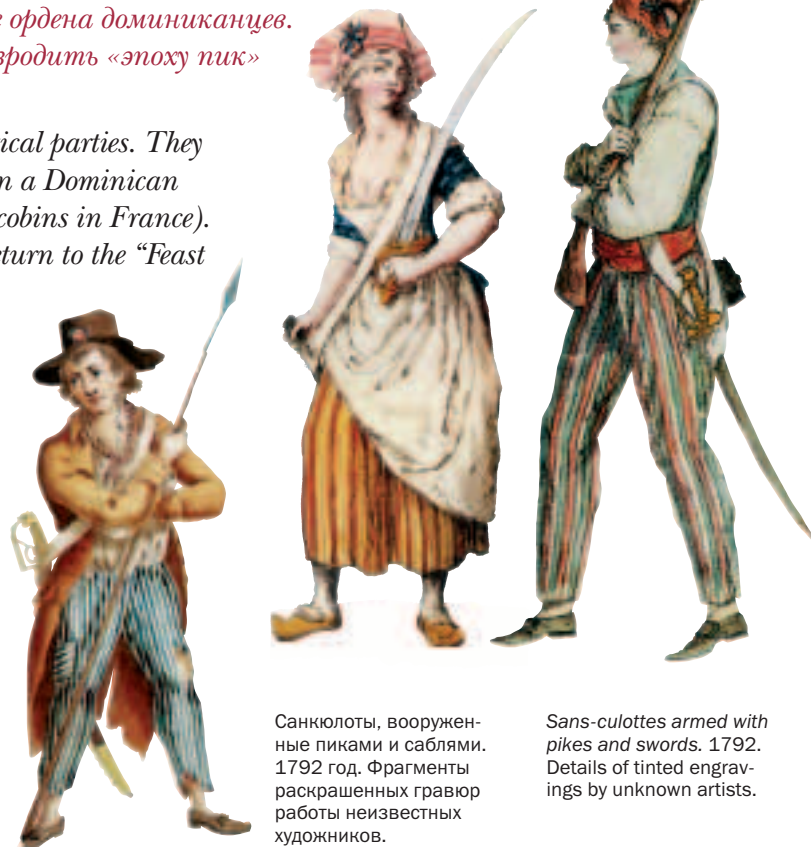
The Jacobins were one of the most radical political parties. They got their name from an early meeting place — in a Dominican monastery (the Dominicans were known as Jacobins in France). In the summer of 1799 Jacobins called for a return to the "Feast of Pikes" and the Reign of Terror.

fused members of the club headed for the exit, and Fouché unhurriedly locked the door behind them and carried away the key.

A few days later he invited Bernadotte, the Minister of War and future King of Sweden, but then an avid Jacobin and member of the Club du Manège, for a chat.

"You fool, what have you got yourself into? For what? It's not 1793 any more! Then we destroyed and built anew; there was no other way to win. But now everything is ours. Why tear everything down again?"

But Bernadotte held his own with Gascon stubbornness.

Санкюлоты, вооруженные пиками и саблями. 1792 год. Фрагменты раскрашенных гравюр работы неизвестных художников.

Sans-culottes armed with pikes and swords. 1792. Details of tinted engravings by unknown artists.

"It's up to you," Fouché concluded the talk. "Tomorrow I might decide to deal with your club, and if you prove to be chairman, your head will be the first to go. I give you my word, and I keep my word."

Fouché was right: in 1799 the minds of politicians were engaged with very different things than the return of the Terror. For months now they had been looking hard for an obedient "sword", a general prepared to overthrow the Directory. Barras too was playing a game of his own, having decided to use the "little numskull", as he called Bonaparte (who owed his career to him), to help return the Bourbons to the throne. Meanwhile, Bonaparte, who had deserted his army in Egypt, appeared in Paris and plunged headlong into a whirlpool of intrigues. The conspirators met him and informed him that Barras had discredited himself that the "King of the Directory" should disappear from history. But what about his associates, and above all Fouché, the omniscient Minister of Police?

Fouché, it goes without saying, was perfectly well informed of all the conspirators actions. He had long since understood that his patron Barras had played all his cards. An experienced gambler ought now to stake on Bonaparte! Fouché drove to the General's mansion and asked to be announced. An hour passed and the all-powerful Fouché was still cooling his heels in the hall, waiting for an audience. He was spotted by chance by one of the conspirators, the former Jacobin Pierre-François Real. Horrified he dashed in to Bonaparte.

"You have gone mad, General!"

"What is it, Real?"

"Do you know, who is in the hall?"

"Fouché, I think."

"Has he been waiting long?"

"About an hour."

"You are mad! He has only to move his little finger and all our plans will collapse. Have him in at once."

No-one knows what Fouché and Bonaparte discussed for around two hours, but from that moment on nobody hindered the conspirators from preparing their coup.

Едва корсиканец покинул город, как на всех парижских заставах по распоряжению Фуше опустились шлагбаумы. Отныне никто не мог покинуть Париж или въехать в него. Все последние новости незамедлительно ложились на стол Фуше. Если заговорщики победят, он примкнет к Бонапарту, если проиграют — арестует его. К утру вопрос решился: Бонапарт захватил власть, а Фуше сохранил пост министра полиции. Обманутый Баррас вышел из игры и удалился в свое поместье Гробуа, в изгнание.

НЕИСПРАВИМЫЙ ИНТРИГАН

В руках Наполеона Фуше оказался идеальным руководителем полицейско-сыскальной машины. В своем деле этот ловкий шпион, провокатор и шантажист был блестящим профессионалом, а кроме того, оказался полезен с точки зрения имиджа нового режима. Якобинское прошлое министра полиции связывало режим Бонапарта с революционной эпохой. Тем более что, как все знали, Фуше отправил на гильотину французского короля — это, по мнению Наполеона, должно было удвоить его преданность. Император никогда не упускал случая, чтобы уязвить по поводу своего министра. Однажды, когда Фуше допек его своими интригами, Наполеон в раздражении бросил ему: «Вы ведь голосовали за казнь Людовика XVI». При этом он не сводил пристального взгляда с Фуше, которому пожаловал титул герцога

Солдаты Итальянской армии в 1796 году являли собой разномастное собрание вооруженных людей. Генерал Бонапарт нашел слова, чтобы разжечь их боевой дух: «Солдаты, вы раздеты, недоедаете; правительство ничего не может вам дать... Я поведу вас на самые плодородные равнины в мире... Вы обретете там честь, славу и богатство». Наступательные кампании Наполеона всегда сопровождались восторженными криками «Ура!». Гравюра по оригиналу Силе.

The soldiers of the Italian army in 1796 were a very motley bunch. General Bonaparte found the words to kindle their fighting spirit: "Soldiers, you are unclothed and underfed. The government can give you nothing... I will lead you into the most fertile plains in the world... There you will acquire honour, glory and wealth." Napoleon's offensive campaigns were always accompanied by delighted hurrahs. Engraving from an original by Seele.

Отрантского. Лицо герцога осталось бесстрастным. Сохраняя полнейшее спокойствие, он выдержал паузу и ответил с низким поклоном: «Совершенно верно, сир. Ведь это была первая услуга, которую мне привелось оказать вашему величеству!»

Фуше всегда любил оставлять за собой последнее слово, и Наполеон знал, что доверять этому сумрачному человеку опасно. Чтобы не пасть жертвой дьявольских интриг своего министра, император завел несколько полиций, которые должны были

could leave or enter the capital. All subsequent events were immediately reported to Fouché. If the conspirators won, he would join Bonaparte; if they lost, he would arrest him. By morning it was all over: Bonaparte had seized power, but Fouché retained the post of Minister of Police. The hoodwinked Barras exited the game and withdrew to his Grosbois estate in banishment.

AN INCORRIGIBLE INTRIGUER

In Napoleon's hands, Fouché proved the ideal head of a police investigative machine.

Французская революция открыла новую страницу в мировой истории — на сцену выступила Нация. «Праздник Федерации 14 июля 1790 года». Фрагмент раскрашенной гравюры неизвестного художника. The French Revolution opened a new chapter in world history — the Nation State took the stage. The Festival of Federation, 14 July 1790. Detail of a tinted engraving by an unknown artist.

Когда 9 мая 1802 года Бонапарт учредил орден Почетного легиона, тотчас нашлись недоброжелатели-остряки. Глумясь над нововведением, они стали носить в петлице красную гвоздику. Бонапарт направил распоряжение министру полиции: «Принять меры». Фуше не пожелал быть смешным, воюя с цветами, и написал на той же бумаге свою резолюцию: «Подождем — скоро гвоздики отцветут».

When Napoleon founded the Legion D'honneur on 9 May 1802, it immediately became the target of malicious wits. Poking fun at the innovation, they began wearing red carnations in their buttonholes. Bonaparte instructed his Minister of Police to take measures. Fouché did not want to make himself a laughing stock by fighting against flowers and wrote back on the same note: "Let's wait — the carnation season will soon be over."

In his field this artful spy, provocateur and blackmailer was a brilliant professional and he also served a useful purpose in respect of the new regime's image. The Minister of Police's Jacobin past connected Bonaparte's administration with the revolutionary era. All the more so as everyone knew that Fouché had sent the former king to his death, which, as Napoleon saw it, should double his loyalty. The Emperor never missed an opportunity to sting his minister on that score. Once when Fouché had plagued him with his intrigues, Napoleon in irritation hurled at him: "You did vote for the execution of Louis XVI!" In saying this he kept his eyes firmly fixed on Fouché, whom he granted the title of Duke of Otranto. Remaining perfectly calm, the other man waited then answered with a deep bow: "Quite right, Sire. That was, after all, the first service I was able to perform for Your Majesty."

Fouché always liked to have the last word and Napoleon knew that it was dangerous to trust this shadowy figure. In order not to fall victim to the diabolic intrigues of his own minister, the Emperor set up several police forces that were supposed to spy on Fouché

переписку Наполеона, увез в свое поместье Феррьер. Все вскрылось, как только новый министр Савари, герцог Ровиго, прибыл в министерство. Разъяренный Наполеон потребовал вернуть документы — Фуше в ответ сообщил, что бумаг он не увозил. Император впал в ярость.

Тучи над Фуше ступились, и он бежал за границу. На каждом шагу чувствуя слезку, герцог Отрантский в панике метался в карете по всей Италии. Земля словно горела у него под ногами — Ливорно, Парма, Пиза. Не зная, где скрыться, он решил искать спасения в Новом Свете. Ему удалось сесть на корабль, державший путь через Атлантику, но в открытом море его свалила с ног морская болезнь. Фуше, потерявший сознание от слабости и переживаний, доставили на берег. После недолгих раздумий он написал императору покаянное письмо, а затем вернул похищенные бумаги.

ВЕЛИКИЙ ЛИЦЕМЕР

В 1815 году у Фуше появился шанс вновь возглавить полицию. Уже год, как после падения империи престол опять занимали Бурбоны. Наполеон, высадившись на побережье, предпринял последнюю отчаянную попытку вернуться к власти и начал свой победоносный марш на Париж. Потерявшие голову Бурбоны вспомнили о «старом революционере» герцоге Отрантском, но тот ответил отказом на предложение сформировать новое

himself. In 1810, after he received irrefutable proof of his negotiations with royalists and the British, Napoleon ordered him to resign from the post of Minister of Police. Fouché was sent into honourable exile with an appointment as governor general of Rome. The Emperor was not yet aware that Fouché had been playing a triple game and sending St Petersburg secret information about all that went on in Paris — in the Russian capital he was known as "Natasha".

It proved no easy matter to get rid of Fouché. Claiming that he needed time to prepare for his departure, the ex-Minister hastily burnt incriminating papers and lists of agents, while he took some secret compromising documents, including Napoleon's correspondence, away to his country estate. Everything came out as soon as the new minister Savary, the Duke of Rovigo, arrived at the ministry. A furious Napoleon demanded the return of the documents — Fouché replied that he had not removed any papers. The Emperor was livid.

The clouds were brewing over Fouché and he fled abroad. Sensing pursuit at every

правительство. Последовало постановление об аресте — за неповиновение. Окружившие особняк герцога вооруженные агенты не смогли отказать своему бывшему начальнику, когда тот попросил время, чтобы собраться. Воспользовавшись этим пятидесятишестилетний Фуше своеобразно: он удалился в соседнюю комнату, вылез через окно, приставив к стене лестницу, перебрался в сад соседнего особня-

ка и был таков. Париж заливался хохотом, Наполеон тоже не смог сдержать улыбку: «Да, этот — всем бестиям бестия».

Во время «Ста дней» Фуше вернулся в министерство. «Вас хотели похитить, — обратился к нему Наполеон, — чтобы вы не могли сослужить службу своей стране?.. Время — трудное, но ваше мужество, как и мое, способно преодолеть сложности». Конечно, время трудное, мысленно

Парижская пресса внимательно следила за тем, как покинувший остров Эльба Наполеон продвигается к столице. Это видно по заголовкам газет тех дней: «Корсиканское чудовище высадилось в бухте Жуан», «Людоед идет к Грассу», «Узурпатор вошел в Гренобль», «Бонапарт занял Лион», «Его императорское величество ожидается сегодня в своем верном Париже»...

The Parisian press kept a close eye on Napoleon's advance towards the capital. The headlines of the time tell their own story: "The Corsican Monster has landed at Golfe Juan" – "The Man-Eater is going to Grasse" – "The Usurper enters Grenoble" – "Bonaparte takes Lyons" – "His Imperial Majesty is expected today in his loyal Paris"...

«Возвращение Наполеона с острова Эльба 11 марта 1815 года». Гравюра неизвестного художника.

Napoleon's Return from Elba on 11 March 1815. Engraving by an unknown artist.

«Бегство Людовика XVIII из Парижа в ночь с 19 на 20 марта 1815 года». Литография Куша и Болине по оригиналу Хейма.

Louis XVIII's Flight from Paris on the Night of 19 March 1815. Lithograph by Couche and Bovinet after Heim.

rounded the Duke's mansion could not refuse their former boss when he asked for time to gather his things. The 56-year-old Fouché used this concession in an original manner: he withdrew to the next room, climbed out of the window; put a ladder against the wall to reach the next-door garden and was gone. Paris rolled with laughter. Napoleon could not restrain a smile either: "Yes, there's no-one more cunning than him."

During the Hundred Days Fouché returned to his ministry. "They wanted to

moment, the Duke of Otranto dashed around the whole of Italy in his carriage. It was as if the ground was on fire beneath his feet — Livorno, Parma, Pisa... Not knowing where to hide, he decided to seek safety in the New World. He managed to board a ship bound for the other side of the Atlantic, but once out at sea he fell prey to seasickness. Faint from weakness and emotional turmoil he was brought back to shore. After brief reflection, he wrote the Emperor a repentant letter and then returned the stolen papers.

THE GREAT HYPOCRITE

In 1815 Fouché received another chance to become head of the police. A year after the Bourbons had returned to the throne following the collapse of the empire, Napoleon escaped from Elba and made a last desperate attempt to return to power, beginning his victorious march on Paris. Going to pieces, the Bourbons remembered the "old revolutionary" Duke of Otranto, but he turned down the invitation to form a new government. A warrant was then issued for his arrest — for disobedience. The armed agents who sur-

Жозеф Фуше. Гравюра на дереве.
«Фуше был заклятым врагом всех теорий. Он был человеком с практическим складом ума и не отступал ни перед какими препятствиями», — писал канцлер Австрийской империи князь Меттерних.
Joseph Fouché. Wood engraving.
"Fouché was a sworn enemy of all theories. He was a man with a practical mentality and did not retreat no matter what the obstacles," the Austrian chancellor Prince Metternich wrote.

согласился с ним Фуше и вступил в тайную переписку с Бурбонами и австрийцами — нельзя было забывать о завтрашнем дне. Наполеон, которому донесли об этом, приказал своему министру срочно явиться в Тюильри. Фуше, сославшись на слабеющую память, посетовал, что забыл доложить о письмах австрийского канцлера, а теперь вот не знает, что тому отвечать. Наполеон чуть не задохнулся от возмущения: «Вы изменник! Мне давно следовало вас повесить!» Фуше склонился в поклоне: «Я не разделяю мнения вашего величества». Отныне Наполеон с трудом выносил его присутствие. Последняя их встреча произошла на заседании Совета министров. Побелевший от ярости император прокричал Фуше, перегнувшись через стол: «Вы предаете меня. Я знаю это. У меня есть доказательства!» Затем,

abduct you," Napoleon inquired, "so that you could not serve your country? The times are difficult, but your courage, like mine, is capable of overcoming difficulties." Of course, the times are difficult, Fouché tacitly agreed with him and began a secret correspondence with the Bourbons and the Austrians — he had to think about tomorrow. Napoleon was informed and ordered his minister to present himself urgently at the Tuileries. Fouché, pleading a poor memory, regretted that he had forgotten to report about the Austrian Chancellor's letters, but said that now he doesn't know how he should reply. Napoleon nearly choked with indignation: "You're a traitor! You should have been hanged long ago!" Fouché bowed: "I do not share Your Majesty's opinion." From then on, Napoleon could barely stand his presence. Their last meeting was at a session of the Council of Ministers. White with fury the Emperor bent across the table and shouted at Fouché: "You are betraying me, I know. I have proof!" Then, snatching up a knife, he added: "Why don't you take this knife and stick it in my chest? That would be more honest than what you are doing. If I

схватив нож, он добавил: «Почему вы не возьмете этот нож и не вонзите его мне в грудь? Это было бы честнее того, что вы делаете. Если я вас расстреляю, иначе как справедливым возмездием это не назовут». Фуше вышел из кабинета, презрительно бросив: «Через месяц с этим бешеным будет покончено». Как всегда, он все просчитал верно.

Наполеон пал, во Францию вернулись Бурбоны. Когда Людовику XVIII сообщили, что необходимо отблагодарить Фуше за оказанные Бурбонам услуги, флегматичный король содрогнулся от возмущения: благодарить человека, голосовавшего за казнь его родного брата! Вынужденный в конце концов уступить, он отправился исповедоваться, дабы облегчить свою совесть. «Мой бедный брат, — сокрушался король, — если бы ты мог видеть меня в эту минуту!» Фуше потирал руки — вновь он стал министром полиции христианнейшего короля.

При королевском дворе царевубийца продержался недолго. Вскоре последовала отставка, наступили тяжелые годы изгнания. Теперь уже навсегда Фуше сошел с политической арены, и доживать остаток жизни ему предстояло в полном забвении. На какое-то время он поселился в Праге, затем перебрался в Линц и, наконец, оказался в Триесте, где и скончался 26 декабря 1820 года, унеся в могилу многие тайны своей жизни. ■

have you shot, people will call it nothing but just revenge." Fouché left the room, scornfully remarking: "In a month we'll be done with this madman." As always, he read the situation right.

Napoleon fell; the Bourbons came back to France. When Louis XVIII was informed that Fouché needed to be thanked for services rendered to the Bourbons, the phlegmatic King shuddered with indignation — to thank a man who had voted for the killing of his own brother! Forced in the end to give in, he went off to confession to relieve his conscience. "My poor brother," the King grieved, "if you could see me at this moment!" Fouché rubbed his hands, he was once again Minister of Police, to His Most Christian Majesty.

The regicide did not last long at the royal court. His early dismissal was followed by hard years of exile. This time Fouché had departed the political stage for ever and he would live out the rest of his days in total oblivion. He settled for a time in Prague, then moved to Linz, before finally ending up in Trieste, where he died on 26 December 1820, taking many of his life's secrets with him to the grave. ■